

## О НЕЯСНОМ В ЖИЗНЕОПИСАНИИ М. А. ДОСТОЕВСКОГО

«... идея непрямого и высшего стремления в лучшие люди (в буквальном, самом высшем смысле слова) было основной идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения».

Ф. М. Достоевский. Письма <sup>1</sup>

Выбрав эпиграфом несколько слов из письма Ф. М. Достоевского к своему младшему брату, мы не будем пытаться придать этим словам подобие меты собственной работы. Наша задача, не забывая сказанного писателем, объяснить неясное, постоянно связываемое с Михаилом Андреевичем Достоевским, обнаружить достаточные свидетельства ошибочности выдаваемого за достоверное из его жизни и деятельности. Здесь все причастны, все, кто пытался обращаться к этим вопросам. И продолжается такое вот уже более ста лет.

Приведем ряд примеров.

1883 год. Ор. Миллер: штаб-лекарь М. А. Достоевский человек угрюмый, нервный и подозрительный <sup>2</sup>.

1895 год. А. М. Достоевский: «<...> дед мой непременно хотел, чтобы его сын, а мой отец, пошел по его стопам, т. е. сделался священником, и так как отец мой не чувствовал к этой профессии призвания, то он, с согласия и благословения матери своей, удалился из отеческого дома в Москву, где и поступил в Московскую медико-хирургическую академию студентом.

<...> отец мой, оставив родину, скрылся из дома своих родителей, не имея при себе всех документов о своем происхождении» <sup>3</sup>.

---

[Часть документов, приводимых в данной статье и впервые введенных автором в научный оборот в его докладе 1990 г., прочитанном на Международных Достоевских чтениях в Санкт-Петербурге, была затем опубликована И. Л. Волгиным в его книге «Родиться в России» (М., «Книга», 1991); И. Л. Волгин при этом делал отсылки, естественно, лишь на доклад Б. В. Федоренко, архивные же источники их, как и всех остальных обнаруженных автором документов, публикуются здесь впервые (прим. ред.)].



А. М. Достоевский первым заговорил (готовил и подготовил к обнародованию, но запоздал с публикацией) об алкогольном недуге М. А. Достоевского, его моральной сухости и, наконец, об убийстве его собственными его крепостными<sup>4</sup>.

«<...> убиение отца осталось нераскрытым», виновные «не потерпели заслуженной кары», но и оставшихся наследников не коснулось «окончательное разорение». Все все знали и все предпочитали молчать, «старшие братья узнали истинную причину смерти отца еще ранее меня, но и они молчали»<sup>5</sup>. Выгоды, замешанные на цинизме, расчеты и показания, измышленные младшим из братьев.

1920 год. Л. Ф. Достоевская первая объявила в печати об убийстве крепостными М. А. Достоевского. Чтобы попасть в число студентов Медицинской академии, М. А. Достоевский отправился в Москву «без денег и без протекции»<sup>6</sup>.

1928 год. А. С. Долинин: М. А. Достоевский родился в 1788 году, умер в 1839 г. «(убит своими крепостными)»<sup>7</sup>. «Это был человек угрюмый, суровый и вспыльчивый. Дети его боялись; когда подросли, оказывали ему знаки почтения, но вряд ли его любили. О тяжелом детстве, благодаря отцу, Достоевский упоминает в своих письмах <...> находит оно свое отражение, быть может, и в его художественных писаниях (в «Подростке» и в «Братьях Карамазовых»)»<sup>8</sup>.

1939 год. В. С. Нечаева: М. А. Достоевский происходил из духовного звания (сын священника) и «окончив Подольскую семинарию <...> не пожелал продолжать профессию отца», порвав связь с родной семьей, ушел из дома в Москву, где сделался «казенным воспитанником Медико-хирургической академии». «<...> Важнейшие черты характера Михаила Андреевича — угрюмая мрачность, подавленность, с одной стороны, и болезненная мнительность, подозрительность, соединенная с мелочностью — с другой...» «В начале июня 1839 года <...> был убит своими крепостными»<sup>9</sup>.

1979 год. В. С. Нечаева: М. А. Достоевский родился в 1789 году в семье православного священника. Окончил Подольскую семинарию. Его пугала бесперспективность будущего на родине. Он не мог «наследовать» место отца, который был протоиереем г. Брацлава. Ему предстояла участь его брата, Льва, который был назначен священником в село. Был ли Михаил Андреевич отобран и послан из семинарии в академию, отправился ли самостоятельно — нам неизвестно<sup>10</sup>.

1981 год. Ю. И. Селезнев: Дед писателя — скромный протоиерей в захолустном Брацлаве. «Младший его сын, своенравный Михаил Андреевич, не пожелал пойти по стопам отца; оставил



Каменец-Подольскую семинарию и навсегда покинул отчий кров. Он отправляется в Москву, чтобы поступить в Медико-хирургическую академию <...>. В 1813 году его производят в штаб-лекари»<sup>11</sup>.

1988 год. Г. А. Федоров: М. А. Достоевский в своем послужном списке писал: происходит «Из духовного звания» и в службу вступил «Из Подольской семинарии». «Из чего следует, что он сын священника Подольской губернии». Не посчитавшись с желанием отца, отказывается от поставления в священники, порывает с семьей и уходит в Москву учиться медицине. Лишенный материальной поддержки семьи, он поступает в академию на казенный счет<sup>12</sup>.

Какие несообразности и несоответствия и сколько противоречий!

Из духовного звания — это значит:

- сын священнослужителя (дьякон, священник, епископ),
- но также и сын церковнослужителя (псаломщика, например).

Запись в списке: «Из Подольской семинарии»<sup>13</sup> не позволяет ответить на многие сразу же возникающие вопросы:

- во-первых, время пребывания его в семинарии;
- во-вторых, окончил ли он семинарский курс;
- в-третьих, временной разрыв «от семинарии и до академии»;
- в-четвертых, перевод — по воле лиц начальствующих или самостоятельно принятое решение.

Отметим и ряд других вопросов.

Его год рождения: 1788 или 1789? В послужном списке сделана запись: «40 лет»<sup>14</sup>.

Братья Михаил и Лев. Кто же из них старший?

Обстоятельства, приведшие к смерти М. А. Достоевского, его характер, отношения в семье?

Что касается кончины его, то здесь нельзя не отдать должного настойчивости Г. А. Федорова, которому удалось выяснить день смерти М. А. Достоевского, 6 июня 1839 года, и обнаружить подлинник врачебного заключения: внезапная смерть в поле от апоплексического удара<sup>15</sup>. Предстоят еще некоторые дополнительные сопоставления, крайне желательны отдельные уточнения, и тем не менее установлено главное, снимающее «классовую» причину печального события.

Черты характера М. А. Достоевского. Общеприняты утверждения: был суровый и вспыльчивый, дети его боялись. Скорее всего, основой такого рода утверждений явилось замечание А. М. Достоевского о занятиях «папеньки» с братьями латынью. Старшие братья, пишет он, «очень боялись этих уроков, происходивших



всегда по вечерам. Отец, при всей своей работе, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, так сейчас разразится крик»<sup>16</sup>.

Но вспомним сохранившиеся письма М. А. Достоевского к жене и детям.

«Милый друг мой Миша!

Уведомляю вас, друзья мои, что мы все, слава Всевышнему, здоровы, поздравляю тебя Мишенька с наступающим днем твоего Ангела, от души желаю и молю Бога, чтобы ты был здоров»<sup>17</sup>.

«Милый друг мой Мишенька!

Сколь велико милосердие Божие! Чем мы недостойные возблагодарим всещедрого Бога за Его к нам неизреченные милости! Сколь несправедливо мы роптали, да послужит сие для нас назидательным примером на всю жизнь нашу, что Всевышний послал нам сие кратковременное испытание для блага и пользы нашей <...>»<sup>18</sup>.

«Друг мой напиши откровенно, не так, как отцу, а так, как другу, доволен ли ты избранною службою, какие у тебя надежды на будущее, какое у вас содержание. Уведомь доволен ли Феденька своим теперешним состоянием. Ты писал мне, что он скучает тем, что надобно становиться во фронт пред офицерами. Скажи ему, чтобы он не скучал <...>»<sup>19</sup>.

«Милый друг Фединька!

Два письма в одном конверте я получил от тебя в прошедшую почту; а теперь, не теряя времени, спешу тебе отвечать <...>.

Озимые поля черны, как будто и не были сеяны; много нив перепахано и засеяно овсом, но это, по-видимому, не поможет, ибо от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом! После этого станешь ли роптать на отца за то, что тебе присылает мало»<sup>20</sup>.

Письма отца, но и друга, и старшего товарища. Сердце должно быть, по правде, холодным, чтобы, прочитав одно такое письмо, сметь утверждать о неприветливом и худом нраве того, кто письма подобные мог написать.

В послужном списке М. А. Достоевского подтверждается: «По надобности во врачах, во время последней против французов войны», командирован вице-президентом Медицинской академии в «Московскую головинскую госпиталь для пользования больных и раненых»<sup>21</sup>, а через 15 дней, 1-го сентября, перемещен «в Касимовский военно-временный госпиталь»<sup>22</sup>.



За Касимовым последовала командировка в город Верею и Верецкий уезд Московской области для «прекращения свирепствовавшей там повальной болезни»<sup>23</sup>.

О возвращении в Медицинскую академию для продолжения занятий в четвертом академическом классе и окончании академического курса свидетельствует краткая, трудно понимаемая вдруг, запись в списке: «Лекарем 1-го отделения произведен Августа 5, 1813 года»<sup>24</sup>. В первом отделении готовили специалистов «по медицинской части». Были еще два отделения: ветеринарное и фармацевтическое.

Обстоятельства, связанные с пребыванием М. А. Достоевского в «Головинской госпитали», в которую он, «при вторжении неприятеля в пределы России», добровольно вступил с товарищами «для пользования раненых воинов, привозимых с поля сражения, а по занятии Москвы неприятелем» отправился, сопровождая раненых, в город Касимов, его занятия в тамошнем временном госпитале, «откуда, как записано в его Послужном списке, получил похвальный аттестат»<sup>25</sup>, легко представить, знакомясь с содержанием аттестата и содержанием весьма обстоятельного письма Х. Лодера.

На письме выставлены место отправления и дата: Касимов, 25 сентября 1812 года.

Адресат: Александр Дмитриевич Балашев, генерал-лейтенант, министр полиции, военный губернатор Санкт-Петербурга.

На первой странице письма его рукой помечено: «Высочайше повелено иметь в виду при общем рассмотрении о награждениях». И дата: «12 октября 1812».

Автор письма: Христиан Лодер, действительный статский советник, лейб-медик императора Александра I. Он был отправлен в Москву с поручением устроить военные госпитали на 6000 офицеров и 31000 солдат. Уточненные цифры раненых воинов лейб-медик приводит в письме.

А. Д. Балашев переправил его письмо С. К. Вязмитинову при отношении от 18 октября 1812 года, в котором, в частности, указал на распорядок, принятый Х. Лодером, и его попечение «к пользованию наших раненых, как во время нахождения их в Москве, так и в местах нынешнего их помещения», не оставив также без внимания свидетельство Х. Лодера «об отличном усердии некоторыми медицинскими чиновниками»<sup>26</sup>.

Но лейб-медик свидетельствует также, что заметить легко, об усердии небольшого числа слушателей Медицинской академии. Первые повозки, наполненные ранеными, отправились из Москвы в 10 часов утра 1 сентября и тогда же в отряде медиков появился молодой студент Михаил Достоевский<sup>27</sup>.



Позже, когда он покидал Касимов, Х. Лодер, этот выдающийся анатом, будущий почетный член Московского университета, вручил ему аттестат, со словами о высоком подвиге его, о выполнении им обязанностей своих: «с примерным рачением и отличным успехом, подавая раненым и больным неукоснительную помощь и трудно раненым производил успешно операции»<sup>28</sup>.

С этим отзывом и с напутствиями начальников своих и отправился М. А. Достоевский в последних числах декабря 1812 года вначале в Москву в ведение особо созданного временного комитета, а потом в Верею, теперь уже на помощь занемогшим «повальными болезнями»<sup>29</sup>.

Временный врачебный комитет «по случаю появившихся по изгнанию неприятеля в некоторых уездах губернии Московской повальных в людях болезнях» был образован 4 января 1813 года<sup>30</sup>. Обязанностью Комитета «поставлено было изыскать настоящую причину свирепствовавших болезней, а с тем вместе и средства к прекращению действий их и совершенного искоренения»<sup>31</sup>.

Всего более как повальность, так и смертность наблюдались в уездах Звенигородском, Верейском, Можайском, менее — в Рузском, Московском, Волоколамском, Подольском, Бронницком и частью в Серпуховском<sup>32</sup>.

С самого времени своего открытия Комитетом составлялись раскомандированным врачам «надлежащие, по сему предмету, письменные и словесные наставления и потом, дознав как по собственным своим замечаниям, так и по донесениям оных врачей, точнейшие тех болезней причины и свойства, преподавая им простейшие и надежнейшие способы пользования, равно как и нужные правила для предохранения народа от произраждения и поддерживавших повальные болезни причин, сколько еще относилось к врачебному искусству»<sup>33</sup>.

В кратком изложении самих причин, свойствах течения и пользования болезней отмечено:

«Первоначальною причиною всех болезней было неприятельское нашествие и что сие подало повод к разным другим последственным болезнетворным причинам, к числу которых принадлежат следующие:

1. Изнурение душевное, тоска, страх и ужас претерпеваемые народом во время неприятельского вторжения. Хотя жители не только Московской губернии, но и всей России победоносным оружием наших войск и храбростью русского народа, благодаря Всевышний промысел, от нашедших врагов и скоро увидели Отечество свое освобожденным, однако пагубные следствия претерпенного страха, равно как печаль и уныние от неприятельского разорения продолжались долго».



2. Изнурение телесное, голод или, по крайней мере, недостаток в здоровой пище.

3. Тесные жилища.

4. Простуда ... жители «принуждены были, спасая себя от неприятеля, провести сырое и ненастливое осеннее время и даже ночи без крова и теплой одежды в полях, лесах и болотах, а потом прожить суровую зиму в угарных подвалах, худых избах и овинах».

5. Употребление вредной воды. Вода из колодцев, прудов и речек, в которые выброшены мертвые тела, напилась от них тлетворными частицами.

6. Заражение воздуха от гниющих близ жилых мест трупов.

7. Заражение от непосредственно к гниющим трупам прикосновения.

8. Заражение воздуха в избах и жилищах.

9. Заражение от самих больных.

10. Вредные привычки и невоздержанность больных от неведения<sup>34</sup>.

В том же «изложении» замечено:

«По дошедшим от посланных для лечения повальных в народе болезней в города и уезды медицинских чиновников донесениям видно, что в оных городах и уездах больных состояло вообще 30049 обоего пола, из коего числа умерло 2967, а остальные выздоровели. Следовательно по принятию Комитетом надлежащих врачебных мер число умирающих значительно уменьшилось, так что из 10-ти больных 1 умерший. Напротив того, до принятия надлежащих мер, когда больные предоставляемы были своей судьбе и силам природы, число умирающих по сделанным наблюдениям... по Московскому уезду было ужасно: так что из 10-ти больных умирало 8»<sup>35</sup>.

Назовем поименно тех, «кои употреблены были для лечения означенных повальных болезней» по уездам, круживших по дорогам, шагавших от деревни к деревне, из дома в дом, терявших сон и покой, днем и ночью, и в стужу и в ростепель:

1. Адъютант Василий Воробьевский,
2. Штаб-лекарь Аким Кирилов,
3. Штаб-лекарь Александр Меньшиков,
4. Штаб-лекарь Степан Торопов,
5. Лекарь 1-го класса Матвей Вишняков,
6. Лекарь 1-го класса Алексей Ловецкий,
7. Лекарь 1-го класса Иустин Дядьковский,
8. Старший лекарь Иван Богданов,
9. Лекарь Василий Крылов,
10. Лекарь Карл Зельтман.



И 10 студентов 4-го класса Медицинской академии в звании помощников:

1. Левицкий,
2. Кайзаров,
3. Метальников,
4. Фирсов 1-й,
5. Фирсов 2-й,
6. Шаркевич,
7. Достоевский,
8. Кремнев,
9. Измайлов,
10. Мощанский<sup>36</sup>.

И все они «в толико важном деле отличили себя ревностию к службе, неусыпными трудами и деятельностью и оказали весьма хороший успех и знания на самом опыте доказанные в пользовании больных»<sup>37</sup>.

М. А. Достоевский, бывший помощником И. Е. Дядьковского, приступил к занятиям в академии, имея похвальный аттестат, второй за год, подписанный губернатором московским.

Обретение им звания лекаря медицинского отделения<sup>38</sup> — достойное свидетельство его отличных способностей, но вместе и глубоких медицинских знаний, добытых в стенах Московского отделения Медико-хирургической академии. Отныне и он становился и стал в ряд с еще недавно свершившими подобный путь молодыми представителями медицинской науки и практики в России.

Следует думать, что строка в его Послужном списке: «Из Подольской семинарии» являет подобное же свидетельство его успехов в духовном заведении<sup>39</sup>.

И пусть никого не удивляют взаимосвязи академии, семинарии и духовных училищ. Такие связи явно угадываются уже в названиях сохранившихся дел конца восемнадцатого и первых лет девятнадцатого столетий.

«С запиской министра внутренних дел об определении в духовные училища на семь лет (до философии) до 150 детей медицинских и аптекарских чиновников в год для приготовления их к поступлению в медицинскую академию».

«Об увольнении обратно в духовное ведомство учеников Медико-хирургической академии, оказавшихся неспособными к медицине».

«Об объявлении воспитанникам духовных училищ, что просьбы их о принятии в Медико-хирургическую академию оставляются без действия».



«По копии с определения Департамента народного просвещения о приеме воспитанников в Медико-хирургическую академию».

«О затруднениях при выборе в Медико-хирургическую академию воспитанников семинарий».

«Подтверждение правлениям семинарий о точном исполнении правил отсылки воспитанников в Медико-хирургическую академию».

«По объявленному от министра внутренних дел Высочайшему повелению о предписании епархиальному начальству назначить в Медико-хирургическую академию учеников семинарий самой лучшей нравственности».

«О производстве испытаний по латинскому языку из книг семинарского круга и о распределении семинаристов по медицинскому, фармацевтическому и ветеринарному отделениям».

В 1808 году в Подольской духовной семинарии во всех ее классах состояло 727 учащихся. Обучавшиеся в классах информатики, нижнего, среднего и высшего грамматических, в классах поэтики и риторики именовались учениками, в классах философии и богословском — студентами. Из указанного числа студентов и учеников состояло на казенном содержании всего 28, «препонятных» оказалось 10, понятных — 503, средственно понятных — 45, малопонятных — 67, непонятных — 12. «Да сверх того неявившихся в семинарию 93 и выбывших из оной — 28»<sup>40</sup>.

24 марта 1809 года Иоанникий, архиепископ Подольский и Брацлавский, представляя отчетные данные за 1808 год Святейшему Правительствующему Синоду, указывал в рапорте:

«Указами Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода, последовавшими 1-м 1797-го генваря 24, 2-м 1798 годов октября 31 числа велено: присылать в Святейший Синод о качествах находящихся учителей при академиях и семинариях и о учениках из какого они звания, коликих лет, какого понятия и успехов в науках и на чьем коште содержатся ежегодно ведомости с показанием в каком классе и каким порядком было преподаваемо учение и сколько: 1-е, вообще в год выходит на жалованье ректору с учителями и другими чинами; 2-е, на лаварет, на починки и прочие по семинарскому дому надобности; 3-е, на содержание студентов и учеников, а затем к следующему году от каждой из сих трех статей будет в остатке.

И во исполнение оных Его Императорского Величества указов о качествах находящихся в семинарии епархии моей учителей и о учениках за прошлый 1808 год ведомости, и о преподаваемом в оной семинарии по присланному из Киевской академии плану учению и порядке оного расписания в Святейший Правительствующий Синод при сем благопочтенно представляя, доношу, что к



прошломu 1808 году семинарской штатной суммы было в остатке четыре тысячи триста девятнадцать рублей пять копеек с половиною, да в 1808 году на семинарию по предписанию Подольской казенной палаты из поветового казначейства отпущено шесть тысяч рублей, итого десять тысяч триста девятнадцать рублей пять копеек с половиною, из которой суммы в 1808 году употреблено: 1-е, на жалование означенных классов учителям и семинарским служителям тысячу пять сот тридцать семь рублей, сорок одну копейку; 2-е, на лазарет, починки, книги и прочие по семинарскому дому надобности тысячу сорок один рубль, шесть копеек с половиною; 3-е, на содержание студентов и учеников восемьсот сорок восемь рублей тридцать две копейки. А всего в расходе три тысячи четыреста двадцать шесть рублей семьдесят девять копеек с половиною. Затем к нынешнему 1809-му году осталось: шесть тысяч восемьсот девяносто два рубля, двадцать шесть копеек.

Вашего Святейшества всенижайший послушник».

И подпись: «Иоанникий, архиепископ Подольский»<sup>41</sup>.

В упоминаемом в рапорте расписании о порядке учения в семинарии отмечено, во-первых, что в семинарии «было преподаваемо» и во-вторых, в какие часы каждого дня и «каким наукам именно обучались».

Перечислялись: чистописание, правописание, катехизис сокращенный и пространный, изъяснения Евангелий воскресных и праздничных, букварь латинский, практика для учащихся, книги о должностях, всеобщая история с географией, российская и латинская грамматики, арифметика чистая и смешанная, российская и латинская поэзии, российская и латинская риторики, философия и богословие, языки: греческий, немецкий, французский, польский и рисовальные искусства. И все это, не считая ряда предметов, преподаваемых в русской школе<sup>42</sup>.

Скажем здесь же о правилах приема в Медицинскую академию. Латинскому языку отводилось в испытаниях главное место. Латинский язык поступающие должны были знать «по крайней мере столько, чтобы свободно переводить на российский язык классических латинских писателей и есть ли не говорить, то по крайней мере письменно объяснять свои мысли на латинском языке»<sup>43</sup>.

Требовалось, чтобы были «сведущи в начальных основаниях философии», геометрии, также физики, географии и истории. И помимо того: быть «здорового сложения, также не моложе 16-ти и не старше 24-х лет»<sup>44</sup>. И должны были поступающие «являться с законными свидетельствами о своем состоянии и с надлежащими аттестатами об учении и поведении»<sup>45</sup>.



Представляет немалый интерес указ, посланный к синодальным членам и преосвященным епархиальным архиереям в феврале 1811 года из Святейшего Правительствующего Синода об экзамене учеников «в Медико-хирургическую академию назначенных, в знании латинского языка по книгам семинарскому учению свойственных».

В основании этого указа оказалось доношение рязанского архиепископа об учениках риторики тамошней семинарии, которые были «избраны и отсылаемы во Врачебную управу для учинения им надлежащего испытания, но обратно препровождаемы под предлогом слабого их знания латинского языка; что по сношению тамошней Консистории с семинарским Правлением оказалось, что оные ученики не несведущи в латинском языке, и что они в Управе были экзаменованы по книгам медицинским.

Святейший Синод по уважению, что Рязанская врачебная управа производила ученикам испытание в латинском языке по книгам, кои заключают в себе предметы, для них совершенно чуждые, а потому в переводе им затруднительные, представлял господину тайному советнику, Государственного Совета члену, синодальному обер-прокурору и кавалеру князю Александру Николаевичу Голицину, снести с господином министром просвещения для учинения надлежащего распоряжения, чтобы врачебные управы учеников, кои изъявляют желание поступить в Медико-хирургическую академию, испытывали в знании латинского языка по книгам, семинарскому учению свойственным, а не по медицинским, коих терминология каждому, в части сей не упражнявшемуся, естественно представится затруднительною, сколько бы они в прочем ни были сведущи в латинской словесности, и притом, чтобы таковые испытания, ежели они будут делаемы в врачебных управах, производились всегда в присутствии члена семинарского Правления.

Вследствие сего г. синодальный обер-прокурор и кавалер минувшего декабря 7-го числа предложил Святейшему Синоду, что г. министр просвещения известил его, г. обер-прокурора, чтобы он с своей стороны отнесся к г. министру полиции, о предписании врачебным управам, чтобы семинаристов экзаменовать в латинском языке согласно с мнением Святейшего Синода, по книгам, учению семинарскому свойственным, и чтобы экзамены производимы были в присутствии члена семинарского Правления»<sup>46</sup>.

По меньшей мере двумя годами ранее такое испытание пришлось и на долю М. А. Достоевского. Это обязательно необходимо иметь в виду в связи со строкой послужного его списка: «Из Подольской семинарии».



Двумя годами ранее — следовательно, в 1809 году. Именно в этом году предстояло из семинарий отпустить в Медико-хирургическую академию 120 семинаристов. М. А. Достоевский скорее всего, был, и даже должен быть, одним из них<sup>47</sup>.

Переписку по этому вопросу в правительственных кругах открывает отношение от 8 мая 1809 года министра внутренних дел к синодальному обер-прокурору.

В отношении указывалось:

«На основании известных Вашему сиятельству правил и устава Императорской Медико-хирургической академии, в 28 день июля 1808 года высочайше конфирмованного, по коим воспитанники духовных училищ ежегодно выбираются для сей академии, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, предложить Святейшему Синоду об отпуске на нынешний 1809 год из духовных училищ сто двадцать воспитанников и пожаловать снабдить меня расписанием тех семинарий и духовных академий, из коих они к отпуску назначены будут, дабы я, с своей стороны, мог сделать надлежащее распоряжение и о производстве воспитанникам экзамена на месте и отправлении их в Медико-хирургическую академию до начала в оной нового курса врачебных лекций»<sup>48</sup>.

13 мая последовало ответное отношение обер-прокурора:

«На почтенное отношение Вашего сиятельства от 8 числа сего м-ца об отпуске в Медико-хирургическую академию на нынешний 1809 год из духовных училищ 120 воспитанников имею честь ответить Вам, милостивый государь:

1) Что именным высочайшим указом, данным Святейшему Синоду в 28 день августа 1797 года, повелено отпускать на всякий год только до 50 человек;

2) Что таковое количество по 1807 год и было из академий и семинарий отсылаемо;

3) Хотя же в 1807 году отпущено и 60 человек, да в прошлом 1808 — 85, но поелику сей отпуск был исключительный и основан на высочайших повелениях, притом и Вашему сиятельству неизвестно, что сверх означенных 85 человек, по причине уничтожения во всех духовных академиях и семинариях класса врачебной науки, оставлено в прошлом 1808 году, в ведомстве Медико-хирургической академии 36 студентов;

и 4) По случаю преобразования здешней Духовной академии истребовано из семинарий 100 человек, то по сему, не предлагая Святейшему Синоду, я счел нужным снести с Вашим сиятельством о невозможности столь большого отпуска студентов, дабы не последовало недостатку в наполнении священнослужительских мест»<sup>49</sup>.



Но и этот обстоятельный, как мы видим, отзыв не возымел должного понимания. Министерство внутренних дел продолжало настаивать на точном выполнении своего требования. 28 мая в своем новом отношении министр разъяснял:

«Долгом поставляю уведомить Вас, милостивый государь мой, что уменьшить число сих воспитанников Медико-хирургическая академия находит себе в совершенной невозможности, ибо для укомплектования штата по здешнему и Московскому ее отделениям, число сие необходимо, тем более, что кроме воспитанников от духовного ведомства в оную отпускаемых, она других в виду не имеет.

Сверх того, просить отпуска из духовных училищ такое число воспитанников я побуждаюсь потому, что по новому штату Императорской Медико-хирургической академии в 28 день июля 1808 года высочайше подтвержденному, число академических воспитанников по здешнему и Московскому ее отделениям увеличено противу прежнего до 520 человек, следовательно 50 семинаристов по указу 1797 года от ведомства духовного отпускаемых было бы весьма недостаточно для укомплектования оными настоящих штатов и по сему единственно уважению 106 § устава сей академии в 28 день июля минувшего 1808 года высочайше подтвержденного разрешен для нее отпуск из духовных училищ учеников в таком количестве, сколько потребно будет оных, сообразно надобностям Медико-хирургической академии»<sup>50</sup>.

В заключение министр писал: прошу покорнейше по сему предмету предложить Святейшему Синоду об «отпуске для Медико-хирургической академии воспитанников сих и пожаловать снабдить меня расписанием тех семинарий и духовных академий, из коих они к отпуску назначены будут»<sup>51</sup>.

Выход из этого тупикового противостояния оказался довольно простым. Было решено, по соизволению на то императора Александра I, отправить в академию 50 студентов из философских и богословских классов семинарий, «а достальных 70 человек из учеников риторического класса»<sup>52</sup>. Подольской семинарии предстояло назначить в академию 5 студентов и 5 учеников. Соответствующий указ Святейшего Синода был выслан 5 августа 1809 года<sup>53</sup>.

Итак, семинариста-подолянина М. А. Достоевского должно считать теперь только уже в числе десяти, если, конечно, он в 1809 году продолжал занятия в семинарии, а не оставил ее, по каким-то причинам, еще прежде и не отправился, не дай Бог, потом, по собственному своему разумению в Москву, не посчитавшись с волей отца и навсегда оборвав связи с семьей.



Ответ, самый простой, прежде всего должны подсказать списки учащихся Подольской семинарии. Такие списки сохранились, подлинные списки за два академических года 1808 и 1809. Но в этих списках, в классах риторики, философии и богословском, фамилия М. А. Достоевского отсутствует, словно бы он и не учился в одном из этих классов.

Убедимся в этом вновь, перелистав еще раз страницы хоть одного списка или ведомости, таково его официальное название.

«Ведомость об обучающихся в Подольской семинарии священно и церковнослужительских детях, с показанием кто они именно, сколько кому от роду лет, с которого времени в оной семинарии обучаются, чему обучены, чему обучаются, какого кто понятия и способности, кто обучается греческому языку и с каким успехом, да и на чьем содержании, при том кто, когда, куда и почему выбыл. Учинена 1808-го года с генваря по генварь же 1809 года»<sup>54</sup>.

Вот таково ее, от слова и до слова, название, в котором, собственно, помимо отметки года обучения, перечислены соответствующие рубрики списков со сведениями об учащихся по каждому классу отдельно.

Высший класс семинарии — богословский — насчитывал 115 студентов, их которых пять только состояли на казенном содержании. Против фамилий некоторых из них отметки: Александр Блажевский — «В Мед/ико/-хир/ургическую ак/адемию»; Григорий Левицкий — «По указу исключен»; Иван Левицкий — «В Медико-хирургическую академию».

В конце списка за надписью с указанием числа студентов подпись:

«Исправляющий должность ректора Подольской семинарии префект, преподающий в богословском классе, учитель философии и высшего (класса) греческого языка Иеромонах Стефан»<sup>55</sup>.

Класс философии насчитывал 69 студентов, из них 4 на казенном содержании.

«Студенты класса философии:

Даниил Трудницкий — в Медико-хирургическую академию, Иларион Цибульский — в Медико-хирургическую академию»<sup>56</sup>.

Ученики класса риторики:

Василий Богдюкович — «По неспособности в русскую школу», Григорий Веселовский — «Тоже»,

Гавриил Лашкевич — «В статскую по духовной части службу».

«Итого: 39-ть, из оных на казенном содержании 1»<sup>57</sup>.

Далее: ученики класса поэтики 9, ученики высшего грамматического класса — 16, ученики среднего грамматического класса —



32, ученики нижнего грамматического класса — 29, ученики класса информатики — 38<sup>58</sup>.

Научная ценность списков во всех возможных отношениях и видах вне всяких сомнений. И их полнота нисколько не нарушена отсутствием фамилии М. А. Достоевского. Об этом можно только сожалеть. Были, следовательно, тому какие-то причины и обстоятельства. Поэтому необходимо изменение направления поиска, новые расчеты, учитывая и историю семинарии в том числе.

Начало ее истории предваряет указ Павла I от 18 декабря 1797 года. На основании этого указа епископ Подольский и Брацлавский, преосвященный Иоанникий 15 марта 1798 года предложил Консистории «на первый случай» устроить при Св.-Николаевском монастыре в Шаргороде два класса семинарии: информатики и нижний грамматический. К первому числу мая, указывалось в предложении, «священно и церковнослужители, имеющие детей от 10 до 15 лет, которые обучались российской грамоте и писать, также в познании латинского языка несколько упражнялись, должны представить их в Шаргород непременно, опасаясь за непредоставление на назначенный срок своих детей, неминуемого по указам взыскания»<sup>59</sup>.

Состоялось открытие семинарии. С каждым годом число учеников непрерывно возрастало и, по мере надобности, до полного устройства семинарии, открывались новые ее классы. В 1799 году классы — средний и высший грамматические, в 1800 году — классы поэзии и риторики, в 1802 — класс философии и в 1804 году — богословский класс<sup>60</sup>.

В 1805 году семинария насчитывала 700 учащихся. Но это был и год накануне частичного свертывания семинарии с переводом обучающихся в Каменец-Подольск. В 1808 году семинария лишается двух старших классов: философии и богословского, которые и оказались в основании Подольской семинарии<sup>61</sup>.

В Шаргороде семинарию составляли нижние и средние классы до класса риторики включительно, управлялась семинария префектом<sup>62</sup>.

М. А. Достоевский — в ведомости Шаргородской семинарии и его брат Лев Достоевский также.

«Ведомость об обучающихся в Подольско-Шаргородской семинарии священно и церковнослужительских детях, с показанием кто они именно, сколько кому от роду лет, с которого времени в оной семинарии обучаются, чему обучены, чему обучаются, какого кто понятия и способности, кто обучается греческому языку и с каким успехом, да и на чьем кто содержании, притом кто, когда, куда и почему выбыл. Учинена 1808 года, с генваря по генварь же 1809 года»<sup>63</sup>.



Ученики класса риторики:

Под № 91. Лев Достоевский, повета Брацлавского, села Войтовец, сын священника Андрея.

Сколько кому от роду лет — 19.

Время определения в семинарию — 1800, декабря 11.

Чему обучены — поэзии.

Чему обучаются — риторике.

Кто к наукам понятен, а кто непонятен — понятен.

Кто обучается греческому языку и с каким успехом — с неху-  
дым.

Кто на чьем содержании — на собственном.

Кто, когда и почему выбыл — (прочерк) <sup>64</sup>.

Под № 94. Михаил Достоевский, повета Брацлавского, села Вой-  
товец, сын священника Андрея.

Сколько кому от роду лет — 21.

Время определения в семинарию — 1802, декабря 11.

Чему обучены — поэзии.

Чему обучаются — риторике.

Кто к наукам понятен, а кто непонятен — препонятен.

Кто обучается греческому языку и с каким успехом — с неху-  
дым.

Кто на чьем содержании — на собственном.

Кто, когда и почему выбыл — (прочерк) <sup>65</sup>.

В конце ведомости отмечено:

«Итого священно и церковнослужительских детей 157. Из оных  
на казенном содержании 10. Неявившихся с вакации 49».

Подпись: «В должности профекта учитель риторики иерей  
Андрей Киселевский» <sup>66</sup>.

В ведомости за 1809 год «об обучающихся в Подольской семи-  
нарии, состоящей в первоклассном Шаргородском Николаевском  
монастыре», показан Лев Андреевич Достоевский. В записи о нем  
использованы сведения из ведомости за 1808 год. В классе рито-  
рики обучался 161 ученик, из них на казенном содержании 10,  
неявившихся в семинарию — 47. В ведомости проставлено: «Учи-  
нена декабря 31 дня 1809-го года» <sup>67</sup>.

Обязательные справки.

По сведениям за вторую половину прошлого столетия:

Шаргород — местечко Подольской губернии, Могилевского уез-  
да, в 45 верстах от уездного города. Число жителей — 4884; 2 пра-  
вославные церкви, уездное и приходское училища, еврейская сина-  
гога, построенная в XIV в., православный Николаевский 1-го  
класса монастырь, основанный в 1717 году униатами и обращен-  
ный в православие в 1795 году. В монастыре 2 церкви, одна из них  
в жилом здании, перестроена из древней в 1883 г., другая — глав-



ная, построена в 1829 году по образцу собора Александро-Невской лавры. В монастыре помещается уездное духовное училище<sup>68</sup>.

По сведениям за вторую половину прошлого столетия:

Войтовка — село Подольской губернии, Ольгопольского уезда \* в 30 верстах к Северу от Ольгополя, на дороге в Гайсин. Число жителей — 2993, дворов — 336; православная церковь<sup>69</sup>.

По сведениям первой трети нашего столетия:

Шаргородский район Винницкой области Украины, расположен в ее южной части. Центр района — Шаргород, поселок городского типа, в 25 км к Востоку от станции Ярменки Юго-Западной ж. д. (в 20 км к Северу от г. Жмеринки). 4619 жителей<sup>70</sup>.

Нам остается остановиться на содержании еще двух документов. Во-первых, на рапорте от 25 октября 1809 года Иоанникия, архиепископа Подольского и Брацлавского Святейшему Правительствующему Синоду «об отправлении из Подольской семинарии» студентов и учеников в Подольскую врачебную управу для поступления в Императорскую Медико-хирургическую академию» и, во-вторых, на отношении Медицинского департамента Военного министерства Министерству внутренних дел от 26/XI 1820 г.

О рапорте архиепископа Иоанникия в синодальном журнале 1809 года, ноября 22 дня, по № 17 записано: «оставя с него при деле копию». В подлиннике рапорта сказано:

«Указом Его Императорского Величества из Святейшего Синода минувшего августа от 5 дня, под № 3058., а мною 21 числа полученном, предписано: в число требуемых из духовных академий и семинарий на сей 1809 год ста двадцати воспитанников для определения в Медико-хирургическую академию назначенных из Подольской епаршеской семинарии студентов 5 и учеников риторики 5 же человек, для поступления в помянутую академию, на основании прежде сделанных о сем из Святейшего Синода предписаний, избрав по желаниям их, и по испытании членами Врачебной управы, коим от господина министра поручен будет тот выбор, немедленно уволить их из семинарии с свидетельствами в указе из Святейшего Синода 1797 года сентября 26 дня предписанными, в ведомство помянутой Управы, отрепортовав об оном Святейшему Синоду.

И во исполнение оного Императорского Величества указа Святейшему Правительствующему Синоду сим благопочтенно респортую, что избранные из Подольской семинарии священнических сыновей 6 студентов: здешней епархии богословия Михаил Литин-

---

\* И. Л. Волгин считает, что речь идет о селе Войтовцы под Брацлавом («Родиться в России», с. 45) (прим. ред.).



ский, философии Макарий Сквалецкий, Иван Якубович, Никифор Сосинский, Федор Левицкий, Иван Сачкевич и риторика 4 ученика: Григорий Литкевич, Максим Ливицкий, Михаил Достоевский и Степан Барановский для образования врачебной науке, объявившие к тому собственное желание и по испытании Подольского врачебную управу вследствие предписания господина министра внутренних дел, признанные способными и по снабдении их, предписанными указами Святейшего Синода свидетельствами, сего октября 15 дня в ведомство помянутой Управы отосланы для отправления их в Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии.

А потому превосходнейшее число студентов от учеников отправлено, что последних желателей достойных более не отозвалось.

#### Вашего сиятельства

всенижайший послушник Иоанникий, архиепископ Подольский»<sup>71</sup>

И отношение Медицинского департамента Военного министерства от 26 ноября 1820 года имеет самое прямое касательство к М. А. Достоевскому, успевшем после окончания академии прослужить в военном ведомстве семь лет. Он был удостоен звания штаб-лекаря, ревностно исполнял свои обязанности, стал, наконец, получать целых 600 рублей в год. Настало время отставки. Об этом и сообщалось в отношении в Министерство внутренних дел.

«Медицинский департамент Военного министерства честь имеет уведомить, что ординатор Московской медицинской госпитали штаб-лекарь Михаил Достоевский, 16 текущего ноября, по прошению его, во уважение расстроенных домашних его обстоятельств, уволен от службы»<sup>72</sup>.

Все отобранные здесь документы можно, кажется, относить к числу впервые вводимых в широкое использование. Каждым открывается неизвестное, неясное, новое, связанное с М. А. Достоевским. И обязательными потому оказываются выдержки из документов и даже сплошное их цитирование.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт., Л., «Наука», 1971—1989 гг.; т. 29, 2. С. 76.

<sup>2</sup> Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 20.

<sup>3</sup> Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л., 1930. С. 17.

<sup>4</sup> Там же. С. 109.

<sup>5</sup> Там же. С. 110—111.

<sup>6</sup> Достоевский в изображении его дочери. Под ред. А. Горнфельда, ГИЗ, 1922. С. 11.



- <sup>7</sup> Достоевский Ф. М. Письма. ГИЗ. М.—Л., 1928, т. 1. С. 461.
- <sup>8</sup> Там же.
- <sup>9</sup> Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. Достоевского и М. Ф. Достоевской). М., 1939. С. 9, 16, 49.
- <sup>10</sup> Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821—1949. «Наука», 1979. С. 17.
- <sup>11</sup> Селезнев Ю. Достоевский. М., «Молодая гвардия», 1981. С. 10—11.
- <sup>12</sup> Федоров Г. А. «Помещик. Отца убили...», или история одной судьбы. — «Новый мир», 1988, № 10 (октябрь). С. 221, 222.
- <sup>13</sup> Нечаева В. С. В семье... С. 124.
- <sup>14</sup> Там же.
- <sup>15</sup> Федоров Г. А. «Отца убили...». С. 234.
- <sup>16</sup> Воспоминания А. М. Достоевского. С. 65—66.
- <sup>17</sup> Нечаева В. С. В семье... С. 116—117.
- <sup>18</sup> Там же. С. 117.
- <sup>19</sup> Там же. С. 118.
- <sup>20</sup> Там же. С. 120, 121.
- <sup>21</sup> Там же. С. 124.
- <sup>22</sup> Там же.
- <sup>23</sup> Там же.
- <sup>24</sup> Там же. С. 124—125.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> ЦГИА, ф. 1299, оп. 1, 1812, № 262, л. 1—1 об.
- <sup>27</sup> Там же.
- <sup>28</sup> МОИА, ф. МОМХА, № 15, л. 93.
- <sup>29</sup> ЦГИА, ф. 1299, оп. 2, 1813, № 118, л. 16—17.
- <sup>30</sup> Там же, л. 3.
- <sup>31</sup> Там же, л. 1.
- <sup>32</sup> Там же, л. 5 об.
- <sup>33</sup> Там же, л. 10.
- <sup>34</sup> Там же, л. 11 об.—12.
- <sup>35</sup> Там же, л. 16.
- <sup>36</sup> Там же, л. 16 об.
- <sup>37</sup> Там же, л. 17.
- <sup>38</sup> Нечаева В. С. В семье... С. 124—125.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> ЦГИА, ф. 802, оп. 1, 1809, № 116, л. 7.
- <sup>41</sup> Там же, л. 1—2.
- <sup>42</sup> Там же, л. 3.
- <sup>43</sup> Там же, 1817, № 2003, л. 2 об.
- <sup>44</sup> Там же, л. 3.
- <sup>45</sup> Там же.
- <sup>46</sup> Там же, 1810, № 311, л. 186.
- <sup>47</sup> Там же, 1809, № 139, л. 1.
- <sup>48</sup> Там же, л. 2—2 об.
- <sup>49</sup> Там же, л. 3—3 об.
- <sup>50</sup> Там же, л. 4—4 об.
- <sup>51</sup> Там же, л. 5.
- <sup>52</sup> Там же, л. 11—11 об.
- <sup>53</sup> Там же, л. 33.
- <sup>54</sup> Там же, 1808, № 116, л. 2.
- <sup>55</sup> Там же, л. 33 об.
- <sup>56</sup> Там же, лл. 34—40.
- <sup>57</sup> Там же, л. 40 об.—41 об.
- <sup>58</sup> Там же, лл. 42—58.



<sup>59</sup> Историческая записка о Подольской духовной семинарии, читанная на акте, по случаю столетнего юбилея семинарии. — Сб. Столетний юбилей Подольской духовной семинарии. 1798—1898 гг. Каменецк-Подольск, 1899. С. 35.

<sup>60</sup> Там же. С. 38.

<sup>61</sup> Там же. С. 40.

<sup>62</sup> Там же.

<sup>63</sup> ЦГИА, ф. 802, оп. 1, 1809, № 116, л. 59.

<sup>64</sup> Там же, л. 65.

<sup>65</sup> Там же, л. 65 об. Нельзя не обратить внимание на время определения Льва и Михаила Достоевских в семинарию. Первый определен 11 декабря 1800 г., второй — 11 декабря 1802 г. Видимо, дата: 11 декабря 1800 г. является простой опиской (с учетом успехов М. и Л. Достоевских и продолжительности курса обучения: класс информатики, классы нижний, средний и высший арифметический, класс поэтики, класс риторики).

<sup>66</sup> Там же, л. 70.

<sup>67</sup> Там же, 1810, № 296, л. 53 и след.

<sup>68</sup> Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил по поручению имп. Русского географического общества действительный член общества П. Семенов. СПб., 1885, т. V. С. 767—768.

<sup>69</sup> Там же.

<sup>70</sup> Сведения за 1932 год.

<sup>71</sup> ЦГИА, ф. 802, оп. 1, 1809, № 139, лл. 82—83.

<sup>72</sup> Там же, ф. 1299, оп. 1, 1820, № 341, л. 200.